

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 чемпионата членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений будут объявлены Оргкомитетом 30 мая 2012 года.

[1. Наталья НЕЧАЯННАЯ. Москва, Россия](#)

Хоронила

хоронила первого – воздух рычал и выл. столько плакала – леденела в глазах вода.
говорила себе: «не ходи к берегам Невы, не бросайся к подъезжающим поездам».
почернела вся – превратилась в золу и смоль, в опустевший храм, в переплавленный
старый крест. сколько горя взяла, сколько ужаса, милый мой. кто же будет теперь

хранить тебя и беречь?

а второго везла — не могла ни рыдать, ни жить: говорила беззвучно, ходила, не чуя ног. (так становишься островом в море среди грозы, и твой остров неспешно, но верно идет на дно. покрывается мраком: съедает любимый дом, угрожает спасительным стенам, родным вещам. превращается в точку, молчащую под водой. онемевшую, словно пустая твоя душа).

вот такое сиротство — наследственное клеймо. родилась всем чужая: подкидыш, дурная кровь. никогда не услышишь: «родная, пойдем домой», потому что таким не положены дом и кров. им шататься ничьими, не ведать добра и сна. ни кола ни двора: бесприютные, словно тень.

если нужно, господь, чтоб я вечно была одна, то забрал бы меня и не тронул моих детей.

я не в силах сражаться: победу взяла беда. вместо воздуха горе: ни выдохнуть, ни вдохнуть. прижимаю рисунки их («горки» и «поезда», «мама, папа и я отправляются в добрый путь», «космолет покоряет большой внеземной маршрут»), прижимаю и вою, как сбита пулей дичь.

отче наш, ничего не желаю и не прошу.
не даруй мне, пожалуйста, третьего.
пощади.

[2. Михаил ДЫНКИН. Ашдод, Израиль](#)

Старик

схоронил трёх жён теперь уже не ходок
делит квартиру с призраками и кошкой

и соседи слева зовут его "кабысдох"
а соседи справа "зомби" и "старикашкой"

призраки оживляются по ночам
щёлкают пальцами пахнут тоской и потом

а потом наступает утро и огненная печать
заверяет действительность или что там

он поднимает к небу слезящиеся глаза
и немедленно забывает зачем их поднял

у него на щеке зелёная стрекоза

а на подбородке вчерашний полдник

он вышел за хлебом упал на газон и спит
и снится ему как у окна в гостиной

пыльное кресло качается и скрипит
покрываясь сизой паутиной

3. Георгий ЧЕРНОБРОВКИН. Олонец, Россия

В лесу молчат: трава, деревья, птицы...

В лесу молчат: трава, деревья, птицы.
Осенний день вбирает тишину,
еловые смыкаются ресницы
и отступают ели в глубину.

И замирает перед первым снегом
дорога между серых валунов.
Мне этот день и альфа и омега,
и лес дремучий посреди миров.

Я на весах. Я взвешен и измерен.
Легла снежинка на зелёный мох.
Лес невесом и праздничен, как терем.
И до зимы остался только вдох.

4. Ирина РЕМИЗОВА. Кишинев, Молдова

Пуговичный дом

В башне из-под польской карамели
(не бывает зданий обжителей),
местопребывание имели
пуговицы всяческих мастей,
разного колёра и калибра,
статуса, достатка, ремесла...
В старом чемоданчике из фибры
спрятана кунсткамера была.

Жизнь текла вольготно и лениво,
только иногда пускался в путь —
в ателье, по воле индпошива —
подходящий к ткани кто-нибудь,
по дорогам самострочной моды

торопясь настранствоваться всласть,
чтобы возвратиться через годы
или оторваться и пропасть.

И, когда грустилось и хворалось,
а порой и вовсе просто так,
чемодана челюсть поднималась,
открывая сущий кавардак:
там, на дне, в коробочке с картушем,
полонил неведомый кашей
круглые разрозненные души
отошедших в прошлое вещей.

Виделось, как будто бы в гостиной
собирались поиграть в лото
бабушкина юбка из поплина,
молодое мамино пальто,
кто-то незнакомый в коверкоте,
платье с отложным воротником,
папина рубашка, кофта тёти
и пуловер, вязанный крючком.

И казалось: ничего дороже
в целом свете не было и нет
чемоданчика с бумажной кожей
и цветной жестянки без конфет:
там дышало весело и мудро
в дырочки, четыре или две,
время из стекла и перламутра,
с местом состоящее в родстве.

[5. Людмила ОРАГВЕЛИДЗЕ. Тбилиси, Грузия](#)

Старуха вяжет зимние носки...

Старуха вяжет зимние носки,
Скрипит под нею старая кровать.
Кто знает глубину ее тоски?..
Старухе скоро - девяносто пять.

Она торгует шерстью и шитьем
На придорожном рынке у моста,
И если напрямик, сквозь бурелом,
То до него обычная верста.

Старуха вяжет. Может быть, продаст...

Невестка варит яблочный компот.
Мяукает голодный "Гондурас" -
Зачуханный, бесхвостый черный кот.

Невестка злится. Вновь... не с той ноги.
(Старуху вязко пробирает дрожь).
"Бои-ишься? Ведьма! Дай пожить другим,
Ты и до ста, наверно, доживешь."

Старуха вяжет. Катится слеза.
(Утерла незаметно рукавом)
Потом взглянула вверх, на образа,
На небо, загрязненное окном.

А до икон достать - длина руки...
А до небес - обычная верста...
Старуха вяжет зимние носки,
Она не хочет, Господи, до ста...

6. Игорь ТИШИН. Казань, Россия

Две жизни

в сокращённом изложении
города мелькают, как неоновые вывески мелькают
как прохожие по тротуарам вышагивают, мелькают
как тёмные типы воркуют у парка, мелькают
пристают, отрабатывают, отпускают

и плетёшься, как главный герой, с разбитой губой
тьма обволакивает, поезд проносится под тобой
деревья молчат, как присяжные заседатели, ведут тебя на убой
в дом с ржавой крышей, слепенькими окнами, дымоходной трубой

где пахнет твирином, бабушкиным потом, папиными сигаретами, носками
где есть тёмный чулан с выкрученной лампочкой и пауками
а мама сидит, проверяет тетрадки, и, когда отворачиваюсь, плачет

а то и ещё дальше, в утробу, начиная с фразы «у вас будет мальчик»
начиная с перестроечной ночи, неумелых толчков, поцелуев, слов
фильма «Челюсти», лампового советского телевизора, настенных часов
с маятником, вот и бедность пришла, заходи, заходи, не церемонься
раскрой свою пасть с гнилыми зубами, присаживайся, знакомься

это объедки, а вот моя набожная слепнущая мама, а жена, как всегда
на работе, придёт после восьми, уставшая и спокойная, как вода

чувствуй себя как дома, трогай порванные обои, облизывай провода
я не сопротивляюсь, что ты, что ты, теперь, что ни говори, твоя черед

насмехаться надо мной, ночи и дни напролёт проводить со мной
потрогай меня, щетину, выпирающие рёбра, сочащийся гной
морщины, морщины, рытвины, шрамы, веки, дождь проливной
я пью беспробудно, мочусь на кровать, представляю, будто я Ной

ковбой, космонавт, лично товарищ Сталин, Раскольников, вечный жид
тише, прислушайся, знаешь, что это? это душа дрожит

[7. Надежда ИВАНОВА. Рига, Латвия](#)

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней...

Герда бросила Кая ровно через двенадцать дней
его драм, философии и баллад под гитару.
Он смеялся, пел, готовил для Герды, с нею, о ней,
Герда молча по строчке в день становилась старой.

Пресный секс, психоанализ, нарциссы, завтрак в постель -
Королева сбежала от Кая на третьи сутки.
Он сложил то заветное слово. Спасибо, метель.
Здравствуй, вечность. Прощай, мой бессмысленный, глупый, чуткий.

Герда и Снежная Королева дружат по пятницам,
обсуждают погоду, жалость и сладких мальчиков.
Герда помнит сады, солнце, бандитов и пьяницу -
память шепчет резко, настойчиво, зло и вкрадчиво.

Королева платиновая блондинка, Герда - песочная,
их не хотят разве только шуты и покойники.
Они сидят в тёмном проклятом баре до самой ночи
и мечтают встретить двух настоящих разбойников.

[8. Андрей СИЗЫХ. Иркутск, Россия](#)

Кратко о природе бурятской поэзии

I.
В Улан-удэ, где из любого худого пегаса,
Не задумываясь, сделают горячие бурятские позы,
Проживает очень древняя поэтическая раса,
Не признающая скучной и серой промозглой прозы.

Нет, не подумай чего – специально, буряты поэм не пишут.
Они живут и говорят по-бурятски – одними стихами
С тем, кто диктует им легкие рифмы с небесной крыши.
И, значительно реже и скупое, делятся этим с нами.
С другими, кто не рожден, как они, из околородных вод Байкала –
Людьми, сохранившими память о многочисленных предках.
С теми, кто никогда не поймет значенья бараньего сала,
Для возникновения вдохновенья в нейронах и прочих клетках.
II.

Лишь тот, кто с ними, за ужином, пил святое степное вино тарасун
(по-нашему, это яство зовется - забродивший коровий обрат),
Будет, для пожилой и замужней бурятки, как нареченный сын.
Деве, возможно, – законным мужем, а остальной орде – кисло-молочный брат.

9. Геннадий АКИМОВ. Курск, Россия

Фронтная

На западном фронте стоит бригадир -
пожизненно вросший в казённый мундир
хозяин переднего края.
Вечерняя тень заползает на кряж,
в котлах закипает солдатский гуляш,
и песня плывёт фронтная.

На фронте восточном засел курбаши:
намаз совершает, жуёт беляши,
лелеет коварные планы.
Куплеты мурлычат его басмачи,
долина поёт в соловьиной ночи,
и смерть боевая желанна.

А северный фронт утопает в снегу,
и шлёт позывные радист-балагур
на юг, загорелому братцу.
Тот курит сигарку, лежит на спине,
и в небо глядит, где парады планет
проходят по звёздному плацу.

Проходят по кругу, к зениту стремясь.
И льдиной багровой вращается Марс,
инстинкт боевой пробуждая.
Вращаются фронты, огни, времена,
по кругу идёт вековая война,
вражда без конца и без края.

Встают мертвецы из верденских болот -
их внуки уходят в крестовый поход,
как встарь, по предгорьям бейрутским.
А в памяти нашей - степная орда,
и хруст заалевшего чудского льда,
и гром канонады под Курском.

Взгляни сквозь мерцающий алый кристалл -
увидишь лужок в деревянных крестах,
горящие избы и танки.
В холодной земле будут медленно тлеть
приклады, мундиры, железо и медь,
солдат неизвестных останки.

Мальчишка с моими глазами бежит
в саду, где раскинулось дерево - жизнь,
родное до слёз каждой веткой.
Я дрался за это в наземном бою,
а в небе сражались за душу мою
два лётчика - тёмный и светлый...

Наверное, в небе давно решено,
что нам не наполнить войны решето,
что незачем ждать перемены.
Уснули бойцы, а над ними - провал:
под чёрной повязкой - незрячий овал,
пустая глазница Вселенной...

[10. Николай КАРАЕВ. Таллинн, Эстония](#)

Зарисовка

За окном луна, алея, нежно смотрит на аллею, по завету Галилея так же вертится
Земля, по пяти телеканалам нам поют Максим и Алла, все достали, всё достало, но не
свалишь с корабля. Я опять читаю книжку, за стеной вопит мальчишка, за другой
крадется мышка, а внизу лабает на пианино колобродник, старый хрен, глухой
подводник, он устроил нотам бойню и не слышит ни хрена. Прусь на кухню выпить чаю и
попутно размышляю, отчего так нескончаем путь улитки до высот - то ли что-то
отвлекает, то ли драйва не хватает, то ль отбил я от стаи, не вписавшись в поворот.
Чай горяч, целебен, мятен, вечер делается вятен, брод опять благоприятен через
местную Янцзы. Я сажусь перед экраном, хмурю лоб, вдыхаю прану, открываю
чакры-краны, весел и многоязык. Жаль, что нет со мною рядом, жаль, что никому не
надо, жаль, нельзя мне только взглядом, - но не хватит ли жалеть? Вечер долог, вечер
вечен, и луна плывет далече, продолжая столь сердечно над аллею алеть.

Евгений ЛУКИН. «Лучшие конкурсные стихи»

Автор: Оргкомитет
18.05.2012 02:41

{jacomment off}